

УДК 94(575.3)

Таджикистан: история языковой независимости

Усмонов Рустам Ахмаджонович

Доктор филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук Центрально-Азиатского филиала
Московского института современного академического образования,
720405, Кыргызская Республика, Баткенская область,
Лейлекский район, п.г.т. Арка, ул. Т. Абдирасилова, 28;
e-mail: us.rustam59@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена истории становления языковой политики и политической риторики в современном Таджикистане. Рассмотрены история взаимоотношений русской и таджикской культур в языковом измерении, происхождение и формирование национальной политической риторики, статус русского языка в государстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Усмонов Р.А. Таджикистан: история языковой независимости // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2014. – № 5. – С. 74-90.

Ключевые слова

История Таджикистана, русский язык, постсоветское пространство, языковая политика, история политической риторики, символы таджикской государственности.

Введение

История суверенитета отмечена в республике Таджикистан крупными политическими, экономическими, миграционными и иными сдвигами. В част-

ности, существенно изменилась демографическая пропорция народов, что сказалось на языковой ситуации в республике [Алтынбекова, 2005, 7]. Началась выработка собственной языковой политики, среди важнейших задач которой – «определение юридического и фактического статуса языков; содержание и этапы статусного и корпусного языкового планирования; этническая и языковая идентификация личности, этнических групп населения Таджикистан; этническое и языковое сознание и самосознание; возможность и предотвращение языковых конфликтов; определение сущности и типологии государственной языковой политики и языкового планирования; способы реализации языковой политики и эффективность мероприятий языкового планирования; динамика функционального развития государственного языка; возрождение языка и проблема его витальности» [Нозимов, 2010, 3].

Статья 2 Конституции республики Таджикистан гласит: «Государственным языком Таджикистана является таджикский язык. Русский язык является языком межнационального общения». Это положение остается неизменным, позволяя судить о роли русского языка в языковой политике государства [см. Усмонов, 2011].

По замечанию А.А. Нозимова, языковая политика Таджикистана учитывает роль русского языка, ставит перед собой задачу «сохранения общекультурных функций русского языка», урегулирования отношений между языками республики [Нозимов, 2001, 4], наряду с важнейшей задачей воздействия на функциональный статус и стандартизацию таджикского языка, нормализации и унификации терминологии и др. Однако ученый признает, что языковая политика Таджикистана – прежде всего политика моноязычия, которая «мотивирована не только необходимостью утверждения независимости и построения нового таджикского государства, но и необходимостью возрождения и воссоединения таджикской нации, которая оказалась разделённой на две группы – русскоязычную и таджикоязычную» [там же, 46].

Обретение языковой независимости

Становление таджикской государственности в XX веке связано с образованием Советского Союза и его республик. Перевод таджикской письмен-

ности с арабского на латинский алфавит (1928 г.), а затем на русский (расширенная кириллица, 1940 г.) стал этапом формирования собственно таджикской письменности. В советский период русский язык обладал большой престижностью: владение открывало путь к социализации в рамках практически любой социальной системы, к образованию, к построению успешной карьеры. Русский язык выступал также как посредник при приобщении к мировой культуре. Также в основном по-русски осуществлялось межнациональное общение на территории СССР.

После распада СССР бывшие республики Союза, существовавшие на протяжении десятилетий в рамках советской государственности, столкнулись с необходимостью поиска идентичности – государственной, гражданской, этнической. Полиэтнический социум обуславливает необходимость государственного регулирования межнациональных отношений; частью этого процесса является идентификация правового статуса различных языков [Погорелая, 2003, 67].

Русский язык, носители которого, по данным переписи населения 2000 г., составляют около 25% общего населения Таджикистана, является в демографическом и коммуникативном отношении мощным языком. Все национальности, кроме таджиков, обучаются и говорят на русском языке, то есть роль русского языка в жизни республики по-прежнему велика.

В первые годы становления суверенитета русский язык использовался в официальном делопроизводстве Таджикистана. Однако такое двуязычие оказалось нежелательным не только по социально-политическим причинам, но и в связи с ограниченностью бюджетного финансирования.

Становление национальной политической риторики

Годы гражданской войны в Таджикистане были годами напряженной ораторики и политической дидактики. Многие должностные лица и политические ораторы того времени получили образование в РСФСР и были связаны с традициями советской риторики. Они не ограничивались аудиторией единомышленников, не боялись обращаться к колеблющимся или к тем, кого сами считали лишь «голосом на выборах».

В среде ранних таджикских политиков (Исламская партия возрождения, Демократическая партия Таджикистана, народное движение «Ростохез» («Возрождение») и общество «Лали Бадахшон») постоянно шла борьба отдельных течений, и это требовало аргументации, а не простого тиражирования политических символов, как в случае чистой пропаганды. Язык политических и религиозно-философских брошюр и статей – яркий пример такой ораторики.

Первый раскол среди религиозных деятелей и духовенства Таджикистана произошел тогда, когда в этой стране в начале 90-х годов был создан филиал Партии исламского возрождения СССР. Религиозные деятели тогда взяли инициативу из рук слабых национально-патриотических и демократических сил и поставили цель скорейшего создания исламского государства. Тогда им это им не удалось, но страна была ввергнута в пучину гражданской войны. После объявления 27 июня 1997 года, в преддверии президентских выборов 1999 года, политики примирения между властями и Объединенной таджикской оппозицией (ОТО), произошел очередной раскол между лидерами ОТО Саидом Абдулло Нури, который тогда был избран председателем Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) и Ходжи Акбар Тураджонзода, назначенным президентом на должность первого вице-премьера правительства Таджикистана.

В русскоязычных текстах Саида Абдулло Нури, например, очень мало проповеди ислама, особенно воинственного ислама, и еще меньше популяризации его. Джихад для Саида Абдулло Нури – не более, чем борьба со злом. Вся риторика этого оппозиционного религиозного деятеля была построена на смысловых различиях, дистинкциях, обобщенно говоря, на том, как отличить одних «друзей народа» от других его «друзей».

Таджикские политики и чиновники называли второй период своей деятельности агитацией, имея в виду ее обращенность к массовой аудитории. В общепринятой терминологии это не совсем агитация. Агитировать, мобилизовать можно лишь единомышленников. Таджикские политики и чиновники же занимались ораторикой, переубеждением. Они не просто предъявляли широким слоям населения свой вариант будущей государственной идеологии, как позже делали их последователи, но активно переубеждали колеблющихся, лавировали, заключали временные союзы.

Ведущим политическим оратором постсоветского времени стал Эмомали Рахмон, чья риторика сложилась под влиянием речей руководителей советского периода. Непосредственное влияние на риторику оказал язык руководителей советского тихоокеанского флота, где будущий президент республики проходил службу.

Главной чертой риторики нынешнего президента Таджикистана является ее гибкость и контрастность. Излюбленная фигура речи Эмомали Рахмона как оратора – диафора, запомнившаяся по фразам типа: «Есть руководители и руководители». Любопытно, что один из таджикских филологов, изучавший речи президента, полагал, что открыл новую фигуру, встречающуюся только в речах Эмомали Рахмона. Это была именно диафора, для которой исследователь никак не мог подобрать подходящего названия.

Риторика Эмомали Рахмона чрезвычайно энергична и агрессивна. Для его стиля характерны антитезы, коррекции, градации и резкая, пейоративная лексика. Политическая брань Эмомали Рахмона («враги таджикского народа», «прихлебаи» и т.д.) не ускользнула от оппозиционных критиков. Риторическая стратегия Эмомали Рахмона рассчитана на то, чтобы ошеломить слушателя стратегией аргументов, которым в рамках национальной культуры нельзя найти альтернативы.

Эмомали Рахмон далек от приемов восточного торжественного красноречия. Его риторика полярно противоположна красноречию ораторов как дореволюционной русской, так и национальной школ. Также она абсолютно чужда всему, что шло от традиций исламской риторики. Исламская традиция чужда риторике президента не только по содержанию, но и всеми словесными приемами – от композиции до тропов и фигур.

Можно отметить такие черты ораторики Эмомали Рахмона, как использование шоковой стратегии (постепенно электризует аудиторию, а затем психологически берет ее в плен), энергичность, напористость («Мы возьмем Самарканд и Бухару»). Он то использует логику как таран, оснащая ее нередко грубыми выпадами в адрес оппонентов, то пользуется логикой как методичной осадой, подкрепляя ее всевозможными трюизмами и нагнетая повторы. При этом его риторика всегда логична. Риторика Эмомали Рахмона поэтому вос-

принимается как чрезмерно основательная, заранее подготовленная (хотя чаще всего президент выступает экспромтом).

Как известно, ораторика должна опираться на символику. Современная таджикская ораторика должностных лиц опирается на символику советского времени и 90-х годов XX века. Здесь и тяжеловесный символический ряд, связанный с оплакиванием жертв советского режима («Замученные на тяжелой хлопковой повинности», «Жертвы сталинизма»), и литературное иронизирование над устоями консервативной жизни («закутался в байский халат», «благонамеренный русофоб»). Всем этим литературно-критическим наследием советской эпохи активно пользуется Эмомали Рахмон. Но наблюдается и символическая струя, инициированная новыми течениями в культуре, по отношению к которым единого мнения у должностных лиц-ораторов нет.

Противоречия переходного периода

Современная таджикская литература, потерявшая связь с богатейшей национальной традицией, равно, как и традицией советской, осваивает весьма неглубокие по своему содержанию формы американских боевиков. В этом смысле новая таджикская символика созвучна стилистическим направлениям, принятым в современном кино Индии, Пакистана и Афганистана. В центре этой стилистики стоит рисованный образ человека в камуфляже и с автоматом.

Современная ораторика таджикских руководителей сменилась советской по стилю гомилетикой – проповедью современного национального образа жизни, который на деле выдавливает тысячи дееспособных молодых людей из родной им страны.

Объективная противоречивость современной таджикской политической символики состоит в том, что ее концепты, рожденные в начале 90-х, должны встать на службу государственного строительства, укрепления, а не ниспровержения власти. Это противоречие в символике не преодолено до сих пор и время от времени дает о себе знать. Впервые же оно проявило себя, когда новое руководство республики стало возвращаться к советской по сути сти-

листике символов – от портретов верховного руководителя до телевизионных картинок заседаний правительства.

Проявляется это противоречие и в эволюции риторики Эмомали Рахмона, особенно в его политических выступлениях, представляющих собой чрезвычайно яркое явление, возникшее на сломе двух символик – национально-освободительной и советской. Если в основе риторики раннего Эмомали Рахмона лежит опыт политической дидактики, то риторика нынешнего Рахмона восходит к торжественному красноречию советского типа. Выстроенные в духе амплифицирующей композиции, вязко возвращающиеся к одному и тому же предмету, полные повторов и плеоназмов, его нынешние речи мало напоминают колющие речи начала 90-х. Раннего Эмомали Рахмона-оратора можно наблюдать ныне лишь в период критики политических оппонентов. Стратегия шоковой речи постепенно сменяется стратегией амплифицирующего построения речи. Шквал аргументов-нападков сменяется пережевыванием одной и той же мысли во многих абзацах. Слушатель берется измором. Отсюда яркие анафоры и даже эпифоры и анаэпифоры, обилие плеоназмов.

В области политической символики современная таджикская риторика и пропаганда медленно движется в сторону усиления консервативного начала и ослабления начала, заложенного в 90-е годы. Задача дидактики – исходя из символики как из аксиомы, упорядочить картину мира и эту упорядоченную картину доходчиво передать. Современная таджикская дидактика, однако, берет на себя и функции символики. Проявляется это в том, что зона аксиом разрастается до целых учебных программ, а доказательность, напротив, заменялась ссылкой на авторитет.

Особыми дидактико-символическими документами являются всевозможные «Истории Таджикистана», яркий пример современной таджикской риторики.

Наряду с государственной сложилась и оппозиционная политическая риторика. Однако это не привело к развитию ораторики как таковой, поскольку открытой полемики в обществе не существует. Напротив, ораторика находится в глубоком упадке. Государственная гомилетика все больше и больше занимается простой пропагандой, т. е. тиражированием символики, а не развитием ее

концептов и приложением их к жизни. Внешне все это напоминает стилистику сталинского времени в России.

Жанр «разоблачения», разработанный зарубежными оппонентами современного таджикского государства, также не способствует развитию ораторики. Напротив, «разоблачения» создали особый вид риторики – квазиполемику. Основное отличие «разоблачения» от полемики состоит в том, что его читатель имеет возможность ознакомиться с мнением «другой стороны» только в тексте самого же «разоблачения». «Разоблачения» наводятся с трех сторон: со стороны исламской оппозиции в Афганистане, со стороны России (российской либеральной интеллигенции) и со стороны стран Запада. Критикуется примерно одно и то же и одинаковыми методами.

Такая практика господствовала в советской дидактике. Невозможно было ознакомиться с «буржуазными» и прочими «лженаучными» теориями в первоисточнике. Давались лишь отрывочные цитаты, помогающие «разоблачению». По учебнику атеизма нельзя было составить мнение о самой религии, по «Критике лингвистической философии» – о самой лингвистической философии, по критике «Доктора Живаго» – о самом романе Б. Пастернака. Господствовало явное манипулирование, т. е. преднамеренное сокрытие источника информации. Относительно природы такого манипулирования никто не обманывался, ни авторы-манипуляторы, ни подавляющее большинство читателей «разоблачительных материалов». Соответствующие тексты практически всеми воспринимались лишь как декларирование официальной позиции, чем они на самом деле и являлись. Но подавались они не как декларации, а как настоящие реплики в споре. Все это производило впечатление игры – игры в риторику. Советская пропаганда становилась все более навязчивой и вызывала реакцию, обратную желаемой, – скепсис. Но ораторикой не занималась и оппозиция. Ее главное занятие в те годы – выработка новой символики.

В 2000-х годах в оппозиционной лингвокультуре Таджикистана наряду с серьезным противостоянием власти развивалась особая форма критической рецепции официоза – своеобразная фронда. Эта фронда пыталась, опираясь на символику западного мира, осторожно критиковать систему за ее консерватизм. При этом фронда ассоциировала себя с юношеством, молодежью, про-

тивопоставляя себя «старикам», постсоветским консерваторам. Молодежная символика новой таджикской фронды корреспондировала с ее инфантилизмом, безответственностью, реальной зависимостью от «стариков», в том числе и идейной. «Молодые» по-детски поддразнивали старших, упиваясь безобидными намеками. Появилась риторика «подтекста». В журналистике получил развитие эзопов язык: изображалась реакционность Таджикской ССР, а подразумевалась реакционность потсоветских начальников старшего поколения.

На этой почве, однако, складывалась новая символика: *полицейские меры, полицейское государство, реакционные чиновники, укрепление авторитарной власти восточного типа*, – и все это применительно к реалиям современной таджикской жизни. Здесь же выстраивался и положительный ряд: *молодые заговорщики, независимые художники, романтические западники*. Этот последний ряд находил менее убедительные параллели в советской действительности, чем первый, и очень мало соответствовал комсомольскому облику самой фронды. К тому же оба ряда отчасти сливались с официальной пропагандой, с ее традиционной символикой в ее пафосной части.

Русский язык в Таджикистане

По своей социальной активности русский язык в сегодняшнем Таджикистане «стоит на втором месте в языковой иерархии» [Нагзибекова, 2008, 233], несмотря на резко уменьшившуюся долю русского населения в республике. Наряду с государственным языком русский используется в образовании на всех уровнях – от дошкольного до вузовского.

В отличие от иностранных языков, которые изучаются в таджикских массовых средних школах по выбору, русский язык обязателен для изучения в каждой школе. Хотя существует проблема с кадрами: даже в городских школах наблюдается нехватка учителей русского.

В общеобразовательных средних учебных заведениях Таджикистана русский язык изучают со второго класса. По данным за 2007 год в республике функционировали 1777 классов с русским языком обучения (около 50 школ с 44315 учащимися, или 2,6 % от общего количества школьников) [там же, 235].

Школы с русским языком обучения, однако, как показывает практика последних лет, считаются более престижными. Несмотря на сокращающееся количество этих школ и классов, родители стремятся отдать туда и тех детей, для которых русский язык не является родным. Так, в 2004-2005 учебном году первые классы этих школы были переполнены (от 36 до 50 человек), причем дети, для которых русский язык был родным, составляли абсолютное меньшинство – от 0 до 7 в классе; большую часть (до 30 и выше) составляли дети, вообще не владеющие русским языком [Шамбезода, 2006, 139]. Это свидетельствует о крайней престижности таких школ и самого языка. Родители детей формулируют причины следующим образом: «поедет работать в Россию» (социальная ценности русского языка); «в русской школе учителя работают более добросовестно; ребенок получит хорошее образование». В то же время увеличение в русскоязычных школах числа детей из таджикских семей влияет на методику преподавания, в том числе и русского языка, и меняет культуру речевого поведения.

В школах с нерусским языком обучения сокращено число часов на изучение русского языка как второго, и уровень его усвоения резко снизился, особенно в сельских районах. Этому способствуют такие факторы, как низкий уровень методической подготовки преподавателей, недостаточная обеспеченность учебниками и пособиями, но в первую очередь – отсутствие языковой среды.

Русскоязычные группы есть почти во всех вузах страны. В 2007-2008 учебном году на русском языке в вузах обучались 33495 студентов (почти 28 % от общего количества студентов), в 2009-2010 – 31 236 студентов, из них 4 036 обучаются по специальности «русский язык» [Эгамзод, 2009].

Важным пространством культурно-языкового взаимодействия России и Таджикистана является наука. Межправительственное соглашение закрепило статус единого научного пространства России и Таджикистана: научные звания и степени таджикским ученым присуждаются ВАК РФ (в высших учебных заведениях системы Министерства образования Республики Таджикистан действуют 2 совета по защите докторских и 5 советов по защите кандидатских диссертаций) [там же], При этом существует определенная тенденция к расши-

рению полномочий русского языка в данной сфере: если до 2005 года ученые Таджикистана могли писать диссертации на таджикском языке, а авторефераты были обязаны предоставить на русском, то теперь, по новому положению, все диссертации должны быть написаны на русском языке. Это решение, несомненно, служит к укреплению культурно-научных связей стран.

Однако ареал социального бытования русского языка не ограничивается только наукой. Он используется в СМИ (теле- и радиовещании, печати), книгоиздании, интернет-журналистике. На русском языке или на русском и таджикском публикуются около пятидесяти наименований периодических изданий. В их число входят популярные газеты «Народная газета», «Вечерний Душанбе», «Азия-plus»; журналы «Памир», «Известия АН РТ», «Русский язык и литература в школах Таджикистана». В 2006 году двенадцать республиканских газет имели сайты на русском языке. Ежедневно на государственном канале «Садои Душанбе» (Голос Душанбе) два часа вещание идет на русском языке; доступны два русскоязычных телеканала; функционируют две русскоязычные радиостанции. По подсчетам А.А. Нозимова, предоставление времени вещания для программ на языках меньшинств по государственным республиканским, областным и городским телеканалам в неделю по состоянию на 1 февраля 2008 года выглядит следующим образом:

- на русском языке – 39 часов 55 минут, без учёта концертных номеров, но с учётом художественных и документальных фильмов;
- на узбекском языке – 3 часа 45 минут, без учёта концертных номеров;
- на арабском языке – 50 минут;
- на английском языке – 50 минут [Нозимов, 2010, 24].

В республике зарегистрировано 10 информационных агентств и центров, занимающихся интернет-журналистикой; при этом процент русскоязычных сообщений достаточно высок. Так, из 3969 информационных материалов, опубликованных центральным государственным органом страны «Ховар» (www.hovar.tj), 1400 были подготовлены на русском языке [Шамбезода, 2006].

В городах и промышленных зонах русский язык, хотя и менее активно, чем в советский период, используется как язык образования, культуры, массовой информации, туризма, спорта и т.д. В государственные организации и

учреждения граждане могут обращаться с заявлениями и жалобами не только на таджикском (государственном), но и на других языках; как правило, таким языком оказывается привычный язык письменного общения – русский. Он также используется зачастую при бытовом общении, при совершении обрядов.

Родным языком русский является для около ста тысяч человек населения, из них 68 тысяч русских, 19 тысяч татар, 3,8 тысяч украинцев, 1,7 тысяч корейцев. По данным А.А. Нозимова, русский язык, наравне с киргизским, занимает третье место по распространенности (более 60 тысяч носителей) [Нозимов, 2010, 16]. Этнические меньшинства Таджикистана (казахи, татары, белорусы, украинцы и др.) ориентированы на русский язык, он остается для них языком бытового и межличностного общения. М. Назигбекова замечает: «Можно сказать, что почти треть населения республики (включая русских) будет и в ближайшем будущем знать и пользоваться русским языком» [Назигбекова, 2008, 234]. Эти данные не только доказывают статус русского языка как языка межнационального общения в Таджикистане, но и должны мотивировать население республики к его изучению.

Значительным фактором распространения русского языка является миграция граждан Таджикистана в Россию. «По разным данным, ежегодно из Таджикистана в Россию выезжают на заработки от 500 до 800 тысяч трудовых мигрантов. А если учесть то, что состав трудовых мигрантов ежегодно меняется, то их численность за более чем 10 лет составила 2–2,5 миллиона человек. Во время проживания в России трудовые мигранты вынуждены пользоваться русским языком, а русскоязычная языковая среда способствует быстрому его освоению» [Алпатов, 2003, 428].

В Таджикистане долгое время контакты в сфере государственного управления сводились, в основном, к отдаче и выполнению распоряжений. В этом была суть административно-командной системы. Возможность как таковой политической деятельности на республиканском и региональном уровнях потребовала от должностных лиц умения контактировать с населением, бизнесом и политическими оппонентами, то есть активно общаться. При этом процесс коммуникации на русском языке в условиях Таджикистана приобре-

тает самостоятельную ценность. Грамотное общение на русском языке открывает для должностного лица широкие горизонты межнационального взаимодействия, как непосредственно в Таджикистане, так и на пространстве СНГ и шире.

Отсутствие навыков общения на русском языке не раз ставило в трудное положение даже тех таджикских должностных лиц, кто пользовался поддержкой начальства, коллег и широких слоев населения. Как правило, они не могли ясно и опираясь на необходимые навыки общения на русском языке донести собственную точку зрения. Общим местом ментальности современного таджикского общества является то, что чиновник, плохо говорящий на таджикском языке, вызывает недоверие в таджикской среде. Одновременно чиновник, плохо говорящий на русском языке, понимается в той же среде как человек ограниченный и недостаточно образованный. Именно поэтому должностные лица, не являющиеся полноценными русско-таджикскими билингвами, во многом проигрывают своим оппонентам.

Подобное восприятие русско-таджикского билингвизма в таджикском обществе особенно усилилось на протяжении 2000-х годов XXI века, когда на долгие годы определилась роль России в Центрально-Азиатском регионе. Роль эта свелась прежде всего к тому, что Россия стала пониматься прежде всего как главный фактор стабильности стран региона, адекватно воспринимающая местные политические культуры со всей их исторически обусловленной атрибутикой. В этот период стало понятно, что никакая иная крупная и влиятельная страна мира не сможет заменить Россию в Центрально-Азиатском регионе. Кроме того стало ясно, что владение русским языком для таджикского чиновника является важным и устойчивым фактором его оценки со стороны начальства, коллег и общества.

Важнейшая особенность коммуникации таджикских должностных лиц состоит в том, что им нужно уметь строить отношения с разными людьми, добиваясь максимальной эффективности деловых контактов. Еще одна особенность коммуникации должностного лица в Таджикистане состоит в том, что вступая в деловой контакт, он должен отчетливо представлять, что именно интересует партнеров по коммуникации, насколько он может быть полезен.

Вообще прагматизм коммуникации – особенность менталитета таджиков. При этом любой таджик предпочтет того чиновника, с кем приятно общаться, кому хочется пойти навстречу, поддержать его хозяйственную или политическую доктрину. В Таджикистане самое заманчивое предложение чиновник может провалить своим хмурым видом.

Профессиональная коммуникация должностных лиц Таджикистана направлена на людей, которых связывают самые насущные нужды или интересы какого-либо определенного дела. Поэтому коммуникация должностных лиц Таджикистана всегда имеет целевую направленность. В отличие от дружеской, коммуникация должностных лиц в Таджикистане – это вид общения, направленного на достижение какой-то предметной договоренности с социальной стратой или национальным деловым кланом. В повседневной жизни человек окружает себя теми людьми, которые ему приятны. Чиновник вынужден общаться с теми, кто ему нужен, что предполагает определенную культуру делового и политического общения.

Выводы

Таджикистан учел ошибки своих соседей, Туркмении и Узбекистана, которые необдуманно быстро перешли на латинский алфавит, оторвав подрастающее поколение от массы кириллических и русскоязычных текстов, сохраняющих культурное наследие; косвенным свидетельством культурного обнищания народов стало то, что в результате реформ в Узбекистане с населением в 28 млн человек осталось семь книжных магазинов, а в Туркмении разрушена система высшего образования.

Таким образом, языковая политика современного Таджикистана характеризуется определенной противоречивостью, что отражается в первую очередь на статусе русского языка, который законодательно ограничивается в сфере применения; этот процесс в определенной степени противоречит потребностям населения республики, особенно молодежи (нацеленной на работу в России); в частности, русский язык чаще используется гражданами Таджикистана в компьютерной и интернет-коммуникации.

Немалое значение, кроме того, имеет изучение русского языка для подготовки государственного служащего в Таджикистане. Свободное владение русским языком существенно повышает конкурентоспособность государственного служащего, расширяет его возможности в деле взаимодействия с различными слоями населения республики, а также в деле взаимодействия с представителями других государств СНГ.

Библиография

1. Алпатов В.М. Русский язык в современном мире // Решение национально-языковых проблем в современном мире. – СПб., 2003. – С. 426-430.
2. Алтынбекова О.Б. Законодательная основа функционирования русского языка в республиках Казахстан и Таджикистан // Материалы международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в государствах Средней Азии». – Душанбе, 2005. – С. 7-18.
3. Нагзибекова М.Б. Русский язык в Таджикистане // *Slavica Helsingiensia* 35. С любовью к слову / *Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday*. Ed. by Jouko Lindstedt et al. – Helsinki, 2008. – С. 233–241.
4. Нозимов А.А. Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Душанбе, 2010. – 51 с.
5. Погорелая Е.А. Русскоязычие: контексты и подтексты языковой реформы (1989-1990 гг.): Монография. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. – 448 с.
6. Усмонов Р.А. Русский язык в культуре и политике Таджикистана // *Язык. Словесность. Культура*. – 2011. – № 2. – С. 8-22.
7. Шамбезода Х.Д., Дубовицкая И.М., Гусейнова Т.В. и др. Проблемы функционирования русского языка в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2006. – 200 с.
8. Эгамзод М. Мифы и факты о русском языке в Таджикистане. – 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1258544820>

Tajikistan: the history of language independence

Rustam A. Usmonov

Full doctor of Philology,
associate professor of Humanities department of the central asian branch
of the Moscow institute of contemporary academic education,
720405, 28 Abdirasilova str., Arka, Leilekskii raion,
Batkenskaya oblast', Kyrgyzskaya Republic;
e-mail: us.rustam59@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the language politics in Tajikistan nowadays. The purpose of this paper is a comprehensive description of the current state of languages and rhetirics in education, politics, and science, various social spheres in Tajikistan and forecasting of the possible directions of changes of the status of the language politics. The research reveals the history of relations between the Russian and Tajik cultures in the language perspective, the history of national politic rhetoric, the role of the Russian language in present days. Language policy in Tajikistan considers the role of the Russian language, aims to preserve common cultural features of the Russian language, to normalize the relations between the languages of the republic, along with the important task to effect on functional status and standardization of the Tajik language, normalization and standardization of its terminology, etc. However, the language policy in Tajikistan is first of all the monolingual policy. The author concludes that the language policy of modern Tajikistan is characterized by a certain inconsistency, which is reflected primarily on the status of Russian language, which by law is limited in application, this process is to some extent contrary to the needs of the population, especially young people (targeted to work in Russia), in particular, the Russian language is increasingly used by citizens of Tajikistan in the computer and Internet communications.

For citation

Usmonov, R.A. (2014) Tadjhikistan: istoriya yazykovoi nezavisimosti [Tajikistan: the history of language independence]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 5, pp. 74-90 (In Russian).

Keywords

History of Tajikistan, Russian language, post-Soviet space, language policy, the history of political rhetoric, the symbols of the Tajik state.

References

1. Alpatov, V.M. (2003) Russkii yazyk v sovremennom mire [Russian language in the modern world]. In: *Reshenie natsional'no-yazykovykh problem v sovremennom mire* [The decision of the national language issues in the modern world]. St. Petersburg, pp. 426-430.
2. Altynbekova, O.B. (2005) Zakonodatel'naya osnova funktsionirovaniya russkogo yazyka v respublikakh Kazakhstan i Tadzhikistan [Legislative basis of the functioning of the Russian language in Kazakhstan and Tajikistan]. In: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Russkii yazyk i literatura v gosudarstvakh Srednei Azii"* [International scientific conference "Russian language and literature in the states of Central Asia"]. Dushanbe, pp. 7-18.
3. Egamzod, M. (2009) Mify i fakty o russkom yazyke v Tadzhikistane [Myths and facts about the Russian language in Tajikistan]. Available from: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Krivoruchenko_Repressions/ [Accessed 12.06.12].
4. Nagzibekova, M.B. (2008) Russkii yazyk v Tadzhikistane [Russian language in Tajikistan]. *Slavica Helsingiensia*, 35, pp. 233-241.
5. Nozimov, A.A. (2010) *Yazykovaya situatsiya v sovremennom Tadzhikistane: sostoyaniye, osobennosti i perspektivy* [The language situation in modern Tajikistan: the status, characteristics and perspectives], Unpublished thesis abstract (PhD), Dushanbe.
6. Pogorelaya, E.A. (2003) *Russkoyazychie: konteksty i podteksty yazykovoi reformy poslednego desyatiletiya XX veka* [The Russian language: contexts and subtexts of language reforms of the last decade of XX century]. Tiraspol.
7. Shambezoda, H.D., Dubovitskaya, I.M., Guseinov, T.V. et al. (2006) *Problemy funktsionirovaniya russkogo yazyka v Respublike Tadzhikistan* [Problems in the functioning of the Russian language in the Republic of Tajikistan]. Dushanbe.
8. Usmonov, R.A. (2011) Russkii yazyk v kul'ture i politike Tadzhikistana [Russian language in culture and politics in Tajikistan]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 2, pp. 8-22.